Только у нас

временник» и «Эпоха» и о газете «День». Трудно сказать, почему именно - или его отчёты нравились министру, или резко возросло число периодических издании, - но этой зимой ему добавили рассмотрение ещё «Библиотеки лучших иностранных романов и повестей в русском переводе», журналов «Книжник» и «Народная летопись». Само собой разумеется, что эти и другие понадобившиеся издания Иван Александрович получал на время чтения из библиотеки совета по книгопечатанию.

Неудивительно, что при большой служебной нагрузке у него почти не было возможности заниматься писательским трудом. Уместно в связи с этим привести отрывок из письма Ивана Александровича к графине А. А. Толстой: «Хотелось мне всегда и призван я был писать, а между тем должен был служить. Моему нервозному, впечатлительно-раздражительному организму нужен воздух, ясный и сухой, солнце, некоторое спокойствие, а я сорок лет живу под свинцовым небом, в туманах и не наберу месяца в году, чтобы заняться, чем хотелось и чем следовало, и всегда делал то, чего не умел или не хотел делать»[18].

Следует ещё учесть, что он по-прежнему участвовал в общественной деятельности. Так и в январе 1865-го, вместе с П. В. Анненковым, С. С. Дудышкиным и М. Н. Островским, Иван Александрович был избран в состав ревизионной комиссии Литературного фонда. 2 марта он сообщает А. А. Краевскому о своём согласии «наравне с другими из пишущей братии» принять участие в подготовке юбилея Михаила Васильевича Ломоносова по случаю 100-летия со дня его смерти. А через неделю того же Краевского он просит поместить в «Голосе» свою заметку «опять о собаках, опять о птицах и ещё о грязи» и других беспорядках на улицах Петербурга[19].

В памятный день 7 апреля романист присутствует на юбилейном обеде в зале Дворянского собрания, посвящённом Ломоносову. На обеде выступили со своими стихотворениями Аполлон Майков и Яков Полонский, а Гончаров, как сообщала газета «Голос», читал стихотворение М. П. Розенгейма «Памяти Ломоносова». Да, Иван Александрович, как и его брат-учитель Николай, с юности был замечательным чтецом и декламатором. Несколько слов о 43-летнем поэте Михаиле Павловиче Розенгейме, чьи предки были датчанами. Ведь в 1863 году он, представитель обличительной литературы, начал издавать в Петербурге сатирический журнал «Заноза», в котором поместил несколько карикатур на Гончарова - главного редактора газеты МВД «Северная почта». На одной изображена карета на полозьях, в которую запряжены не кони, а большие черепахи, подъезжающая к почтовой станции, где ямщик держит на привязи четырёх раков, предназначенных сменить упряжку черепах. А на крыльце, как бы в ожидании этой процедуры, стоит в дорожной шубе новый редактор, то есть Гончаров. На второй карикатуре изображён оркестр, состоящий из известных литераторов и издателей, которым дирижирует министр МВД Валуев. Иван Александрович изображён сидящим в первом ряду и играющим на виолончели, но зевающим, с широко открытым ртом.

Чуть ли не в этот же день романист узнал о Высочайше утверждённом указе Правительствующего Сената о введении с 1 сентября новых цензурных правил и о преобразовании совета по делам книгопечатания в Главное управление по делам печати. А пока, 24 апреля, начальство включило в его служебную нагрузку рассмотрение периодического издания «Классические иностранные писатели». Словно в ответ на это Иван Александрович 8 мая делает свой ход - подаёт министру Валуеву прошение о предоставлении ему заграничного 3-месячного отпуска, необходимого для повторения прошлогоднего курса лечения карлсбадскими водами и морскими купаниями.

(Продолжение следует.)

[18] Алексеев А. Д. Летопись жизни и деятельности И. А. Гончарова. С. 145.
[19] Алексеев А. Д. Летопись жизни и деятельности И. А. Гончарова. С. 144.

Гончаров. Поиски и находки

(Продолжение. Начало в «УП» № 10 от 31 января, № 25 от 13 марта, № 34 от 3 апреля, № 37 от 10 апреля, № 40 от 17 апреля, № 42 от 24 апреля, № 48 от 15 мая, № 51 от 22 мая, № 54 от 29 мая, № 57 от 5 июня, № 62 от 19 июня)

Жорес Трофимов

СНОВА НА ЦЕНЗОРСКОЙ СЛУЖБЕ

Высочайший приказ по Министерству внутренних дел от 21 июня 1863 года о назначении статского советника И. А. Гончарова членом совета министра по делам книгопечатания заканчивался сообщением об одновременном производстве его в «действительные статские советники». Этот чин согласно табелю о рангах приравнивался к воинскому званию «генерал-майор», и теперь обращаться к романисту полагалось с титулования «Ваше превосходительство». На следующий день, в субботу 22 июня, председатель совета Александр Григорьевич Тройницкий открыл заседание совета, на котором присутствовали шесть членов, а также директор полиции исполнительной Александр Николаевич Похвиснев.

Ивану Александровичу было, конечно, приятно, что его соседом по столу заседаний в совете оказался профессор столичного университета академик Александр Васильевич Никитенко, который в 1856 году способствовал назначению его членом Петербургского цензурного комитета, а в 1862-м - и главным редактором газеты МВД «Северная почта». Несомненно, что академик причастен был и к назначению его членом совета по книгопечатанию. Думается, что и Николай Васильевич Варадинов, являвшийся в «Северной почте» первым помощником главного редактора Никитенко (а потом и Гончарова), попал в совет тоже не без его участия.

Университетский товарищ Ивана Александровича Михаил Николаевич Турунов, успешно делавший карьеру в МВД, в мае министром Валуевым был назначен председателем Петербургского цензурного комитета и введён в состав учреждаемого совета. В дневнике А. В. Никитенко в связи с этим назначением появилась уничижительная запись: «М. Н. Турунов, чиновник министерства без всякого значения в обществе, ничем не соприкасающийся к литературе, не имеющий никакого понятия о таких щекотливых делах, как дела цензуры. Как запрещение «Времени» (журнала М. М. Достоевского. - **Ж.Т.**), так и это назначение произвели весьма неважное впечатление на публику».

Так уж случилось, что на первом же заседании Турунов попал впросак, когда предложил совету рассматривать и официальную часть «Губернских ведомостей». Никитенко возразил: «На что это? Губернское начальство отвечает перед министерством за все свои распоряжения и за обнародование их, и не значило ли бы наше наблюдение, что мы присваиваем себе контроль над местными областями, принадлежащими единственно министерству? Да и как может кто-либо из нас знать, что считать дозволительным или непозволительным в официальных действиях и опубликованиях губернаторов?».

Коснувшись члена совета Пржецславского Осипа Антоновича, Никитенко в своём дневнике пишет: «Старый плут, поляк и католик в душе, но весьма искусно скрывающий свои польские и католические тенденции. Трудно теперь решить, какого направления будет он держаться по цензуре. Он всегда применялся к обстоятельствам и к тому, куда тянут сильнейшие». Следующая запись Никитенко о составе совета архилаконич-

---

Восточной Сибири в порту Аян на берегу Охотского моря, и помощи, которую он оказал ему при возвращении по суше домой. Тёплые воспоминания остались у романиста и о встречах в Иркутске с декабристом и его знаменитой супругой Марией Николаевной (урождённой Раевской). На память о встречах в Карлсбаде Михаил Волконский дарит романисту переведённую им книгу «Устав гражданского судопроизводства Итальянского королевства» с автографом: «Ивану Александровичу Гончарову в память встречи на берегу Охотского моря и наших прогулок по Шварцвальду»[14].

Оставшуюся часть отпуска Иван Александрович провёл в австрийском курорте Бадене, а затем в Париже, где намеревался быть до конца отпуска. Однако лечебные ванны, хождение по горам, переезды в жаркую погоду утомили его, и 5 сентября он возвращается в Петербург, где из-за недомогания пять дней не может приступить к исполнению служебных обязанностей в совете по книгопечатанию. В эти дни он узнаёт из письма родных о серии пожаров в Симбирске, бушевавших там в августе целую неделю. И 21 сентября подаёт прошение управляющему МВД М. Н. Турунову о предоставлении кратковременного (от 8 до 10 дней) отпуска в Москву для свидания с прибывшими туда из Симбирска родственниками, пострадавшими от пожара. Получив из канцелярии МВД свидетельство на беспрепятственный проезд из Петербурга в Москву и обратно, Гончаров 22 сентября выехал поездом в Москву. Приехавшие туда сестра Анна с мужем-доктором Петром Авксентьевичем Музалевским, у которых он жил летом 1862 года, обрисовали горестную картину бедствия, случившегося в Симбирске.

В страшном пламени опустошительных пожаров сгорели губернаторский дворец, корпус губернских присутственных мест, Спасский девичий монастырь, дом городской управы, Дворянское собрание с Карамзинской общественной библиотекой, мужская и женская гимназии, два собора и приходские церкви, а также имущество жителей, свезённое для сохранности на Соборную площадь. Если в публичке сгорели тысячи уникальных книг, пожертвованных Языковыми, Карамзиными, Дмитриевыми, Тургеневыми, Ивашевыми, Анненковым, Ознобишиным, Аржевитиновым, Баюшевым, Гончаровыми и другими выдающимися симбирянами, редкие рукописи из семейных архивов, то в кладовых Троицкого кафедрального собора погибла церковная утварь, подаренная царями Алексеем Михайловичем и Петром Алексеевичем, а также знамена ополчений 1812 и 1855 годов. Огонь истребил ведомственные архивы, интендантские и иные склады, обе типографии, телеграфную станцию и почтовую контору, 1480 частных домов. В огне пожаров погибли 130 жителей[15]. Для расследования причин пожаров в Симбирск приезжали сенатор Жданов, другие сановники, слухи о том, что пожары - дело рук только поляков, не подтвердились. Главной же причиной трагедии был недостаток воды, в которой Симбирск, расположенный меж двух рек, Волги и Свияги, остро всегда нуждался, а последние 20 лет беспрерывно вздыхал об устройстве водопровода.

Если брат Николай, обитавший в двухэтажном каменном доме, принадлежащем мужской гимназии, мог рассчитывать на то, что к зиме его жильё будет довольно скоро восстановлено, то чета Музалевских, лишившаяся своего дома и имущества, да и большей части клиентуры, не питала надежды на то, что Симбирск будет быстро восстановлен, и решила обустраиваться на жительство в Москве, где училась их приёмная дочь Дуняша.

Из дошедшего до нас письма Ивана Александровича от 2 октября 1864 года на имя университетского товарища Григория Филипповича Головачёва видно, что на другой же день приезда в Москву он заболел и находился дома. «Между прочим, - говорилось в письме Гончарова, - сверх удовольствия повидаться с тобою, я хотел лично отвечать тебе на письмо, которое получил в Петербурге и по которому немедленно навёл справку у М. Н. Турунова - по делу о детском журнале. Журнал, без всякого сомнения, будет разрешён и, вероятно, уже в настоящую минуту и разрешён, но этому разрешению предшествовали, как обыкновенно водится у нас, некоторые формальности. Всё это, повторяю, теперь уже, конечно, кончено, и ты, на днях, получишь удовлетворительный ответ.

Вот всё, что я имел сказать тебе собственно по этому делу, но при свидании, разумеется, нашлось бы поговорить о многом, и о старом, и о новом, и о деле, и о безделье, и потому мне очень жаль, что болезнь моя помешала мне воспользоваться, как бы мне

[14] Алексеев А. Д. Летопись жизни и деятельности И. А. Гончарова. С. 139.
[15] Симбирские губерские ведомости, 1893, № 55.

Карикатура. Публикуется впервые

Что касается сатирической журналистики, то Иван Александрович, как отмечалось выше в связи с карикатурами Н. Степанова на него и Ф. Булгарина, относился к ней вполне лояльно. В связи с этим уместно привести запись от 1 октября 1863 года в «Дневнике» А. Никитенко: «Вчера в заседании совета по делам книгопечатания сильное прение между председателем и Туруновым. Этот последний, в качестве председателя Петербургского цензурного комитета, пропустил карикатуру в «Искре» на цензуру довольно едкую. Представленные в лице женщин две статьи: до цензуры - одна и другая - после цензуры. Первая молодая, прекрасная женщина, вторая - изуродованная и безобразная. Внизу подпись: до цензуры, после цензуры. Турунов очень неловко защищал пропуск этого, а Тройницкий очень логически сильно на него напирал. Боже, Турунов решительно не понимает тонкостей литературного и цензурного дела! Вольно же было Валуеву поручать ему эту важную часть»[4].

В первые дни 1864 года Михаил Катков в своей «Современной летописи» опубликовал, по словам Никитенко, «ругательную статью» на Петербург, в которой досталось и зловредному «Современнику» (его курировал Гончаров). М. Салтыков-Щедрин в первом же номере «Современника» дал ему достойную отповедь, с сарказмом подчеркнув, что «настоящее положение книгопечатания» гораздо благоприятнее для Каткова, нежели для «Современника».

В воскресенье 12 января Иван Александрович присутствовал на обеде бывших студентов Московского университета, собравшихся в престижном ресторане гостиницы «Демут», чтобы отпраздновать там день его учреждения. В понедельник романист отсылает Андрею Краевскому статью об этом событии с просьбой напечатать её в «Голосе», и во вторник она уже была опубликована (без подписи) в газете.

18 января он завершает составление ведомости рассмотренных периодических изданий за вторую половину 1863 года, в которую занёс свои развёрнутые отзывы: 1) «Газета «День» представляет неосторожностью много беспокойства цензуре, но ничего вредного в направлении не имеет» и 2) «Журнал «Современник» настаивает на своей задаче быть впереди других и хочет удержать за собою свою выгодную позицию, но... встречает заметное для читателя противодействие цензуры, и от «Современника» прежней, ещё недавней поры, можно сказать, остался один призрак». Но к этим, в общем-то спокойным отзывам в этом же январе Иван Александрович привнесёт добавления. Так, 20-го числа, в отзыве о статье Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь», опубли-

[4] Там же, с. 369.